

А.Г. Гродецкая

О РЕЦЕНЗИИ НА «ОБЛОМОВА», НЕ НАПИСАННОЙ ЧЕРНЫШЕВСКИМ

В «Автобиографии», над которой Чернышевский, уже окончив «Что делать?», работал в Петропавловской крепости летом 1863 г., сохранилось свидетельство о его намерении отрецензировать роман Гончарова. «Я до сих пор прочел полторы из четырех частей „Обломова“, — признавался он, — и не полагаю, чтобы прочитал когда-нибудь остальные две с половиною, — разве опять примусь за рецензии, тогда поневоле прочту и буду хвалиться этим, как подвигом»¹. Б.Ф. Егоров, сославшись на эту и на ряд других записей критика, предположил, что единственной его реакцией на «Обломова» осталась небольшая остроумная пародия, включенная в рецензию на книгу Натаниеля Готорна «Собрание чудес, повести, заимствованные из мифологии» (1860; *Чернышевский*. VII, 451–452)². Завершающая рецензию миниатюра о ленивом барине, во всех грехах винящем своего слугу, «неряху, лентяя и сонливца», мелочно детализированная, избыточно затянута в повествовании, вне всякого сомнения, метила в Гончарова.

Критической статьи об «Обломове» Чернышевский так и не написал³. Ситуацию с ненаписанной рецензией отчасти проясняет его повесть «История одной девушки», созданная в 1871 г. Именно из этого текста заимствуется та единственная цитата, которую обычно приводят исследователи Гончарова, когда речь идет об оценке критиком «Обломова». Усеченная, она сводится к констатации, что Гончаров «не понимал смысла картин, которые изображал» (*Чернышевский*. XIII, 872). Однако где, когда, в каком контексте звучит у Чернышевского этот уничтожающий приговор, как правило, не уточняется⁴.

¹ *Чернышевский*. Т. I. С. 634. Далее ссылки на это издание даются в тексте статьи с указанием тома и страницы.

² См.: *Егоров Б.Ф.* Кого пародировал Н.Г. Чернышевский в рецензии на книгу Н. Готорна? // Вопросы изучения русской литературы XI–XX веков. М.; Л., 1958. С. 321–322.

³ Откликавшийся практически на все важнейшие социально-политические и литературные события, писавший (и переводивший) исключительно много, Чернышевский, даже находясь в Петропавловской крепости, писал, по подсчетам С.А. Рейсера, около шести печатных листов в месяц — «темп ни с чем не сравнимый и неслыханный в истории литературы» (*Рейсер С.А.* Некоторые проблемы изучения романа «Что делать?» // *Чернышевский Н.Г.* Что делать? Из рассказов о новых людях. Л., 1975. С. 794).

⁴ См.: *Егоров Б.Ф.* Кого пародировал Н.Г. Чернышевский... С. 322; *Пруцков Н.И.* Мастерство Гончарова-романиста. М.; Л., 1962. С. 215; *Отрадин М.В.* 1) «Обломов» в зеркале времени // *«Обломов» в критике*. С. 5; 2) *Отрадин*. С. 250; 3) Примечания (VI, 304–305), и др. Тему «Гончаров и Чернышевский» трудно назвать популярной. В классических работах советского периода речь шла главным образом об «узости кругозора» Штольца, не позволившей ему указать Ольге должный выход из ее душевных сомне-

И похоже, что умолчания в данном случае не случайны, так как обращение к тексту повести обнаруживает и еще целый ряд суждений Чернышевского, столь же вызывающе резких, во-первых, и провоцирующих многочисленные вопросы, нуждающиеся в комментариях, во-вторых.

Повесть Чернышевским окончена не была и при жизни не публиковалась. Впервые под заглавием «Тихий голос» она увидела свет в 10-м томе его Полн. собр. соч., изданного в 1906 г. Более того, процитированное выше высказывание содержалось в рамочной части повести, от которой Чернышевский отказался, целиком эту часть вычеркнув и сохранив лишь основной текст «Истории девушки» — написанный от первого лица рассказ-исповедь главной героини (см.: *Чернышевский*. XIII, 356—456). Рамочная (зачеркнутая) часть повести, помещенная публикаторами в раздел «Приложения» (см.: *Чернышевский*. XIII, 864—875), представляет в данном случае особый интерес. В этой полемической части, оформленной в жанровой традиции «литературного вечера»¹, точнее, трех вечеров, на которых вслух читается и обсуждается рукопись «Истории девушки», звучат голоса нескольких участников литературной дискуссии — безымянных хозяина и хозяйки дома, сестры хозяйки и «нестарого человека с черной бородой». Два основных полемиста в этой части — «молодой человек в золотых очках» по фамилии Благодатский и его оппонент, романист Онуфриев. За ними стоят, как явствует из текста и как указывают комментаторы повести А.П. Скафтымов и А. Гуральник, Добролюбов и Гончаров².

Специалистами по творчеству Гончарова этот диалог критика и романиста до сих пор, как ни странно, остался и не учтен, и не изучен. Причину этому, повторяю, можно видеть в непроясненных обстоятельствах, связанных с литературной и личной репутацией Гончарова, определявшейся не только его цензорской службой (названной Герценом «китайски-японским цензурным членовредительством»), но сложившейся и до ее начала.

ний, тот выход, который «мог быть найден только на почве общественно-полезного служения» и который был указан Чернышевским (см., например: *Пруцков Н.И.* Романы Гончарова. «Обломов» // История русского романа: В 2 т. М.; Л., 1962. Т. 1. С. 556—557). В последние годы по вполне понятным причинам не столько угас интерес к Чернышевскому, сколько оценка его литературно-критической деятельности изменилась на прямо противоположную, и не Чернышевский предстает теперь критиком Гончарова, но Гончаров — оппонентом и ниспровергателем идей революционного демократа (см.: *Недзвецкий В.А.* 1) И.А. Гончаров — оппонент романа «Что делать?» // *Гончаров. Материалы 190*. С. 231—244; 2) Тоска Ольги Ильинской в «крымской» главе романа «Обломов»: интерпретация и реальность // *Гончаров. Материалы 195*. С. 73—86).

¹ См. о вариациях жанра: *Сорочан А.Ю.* Два литературных вечера: Загоскин и Гончаров // *Гончаров. Материалы 195*. С. 247—252.

² «Под именами Благодатского и писателя Онуфриева Чернышевский изобразил Добролюбова и Гончарова. Из данного отрывка видно, что мировоззрение Гончарова, умеренного либерала, было органически чуждо вождю революционной демократии» (*Чернышевский*. XIII, 903). Прототипы имелись, вероятно, и у других участников «литературного вечера», однако установить их не представилось возможным, в комментариях к тексту они не раскрыты.

Чернышевский в своих немногочисленных отзывах о романах Гончарова был неизменно критичен. «Обыкновенная история», например, удостоилась лишь его беглой реплики в «Очерках гоголевского периода»: «Он <Белинский> с полною готовностью признавал все достоинства произведений словесности, которые были написаны не в том духе, какой казался ему сообразнейшим с потребностями нашей литературы, лишь бы только эти произведения имели положительное достоинство. Для примера напомним его отзыв о романе г. Гончарова „Обыкновенная история“» (*Чернышевский*. III, 232). О мировоззренческой и эстетической «несообразности» гончаровской прозы «потребностям нашей литературы» Чернышевский здесь заявляет как о вещи, для всех очевидной. Резко негативно критик высказывался о Гончарове в письмах. Например, в письме к А.С. Зеленому (от 26 сентября 1856 г.), делясь с ним воспоминаниями о Белинском, переданными «со слов Некрасова», поскольку сам он «не имел счастья видеть его», Чернышевский заключал: «Некрасов боготворит его <Белинского> память, Тургенев также. Вообще из людей, участвующих в петербургской журналистике, даже те, которые не любят его (по личным отношениям), не имеют сказать о нем ничего, кроме похвал (исключение остается за Булгариным, Дружининым и Гончаровым)» (*Чернышевский*. XIV, 320). Некрасову Чернышевский писал 5 ноября 1856 г.: «...в холодности Вам не следует упрекать себя. Это все равно, что Дружинина упрекать в пылкости или Гончарова в избытке благородства» (Там же. С. 321).

Отношение к Гончарову, изображенному в «Истории одной девушки» под именем романиста Онуфриева, у Чернышевского и к 1870-м гг. не изменилось.

В течение двух вечеров дневник-исповедь «одной девушки», Лизы Свилиной, живущей в провинциальной глуши, в городе, в котором легко угадывается Саратов, читает «молодой человек в золотых очках» — Благодатский, то есть Добролюбов. Третий вечер проходит в спорах.

Сам дневник у Чернышевского ограничен временем с 1848 по 1855 гг., события неяркой, вполне «обыкновенной», но в итоге трагичной истории Лизы датируются, и делается это без сильных акцентов, но последовательно — речь идет об известном семилетии, названном в повести «эпохой безнадежной летаргии общества» (*Чернышевский*. XIII, 399). Социальный диагноз собственной жизненной ситуации в тексте дневника ставит сама Лиза Свилина: «Жалка судьба девушки нашего круга, когда она становится развитым человеком. Она лишается всякой вероятности счастья. Ей нет хода вперед. Она остается привязана к той мелкой, скудной, неподвижной жизни, в которой прозябают люди, обракованные обществом» (*Чернышевский*. XIII, 393). Пережив самоубийство спившегося Лачинова, типичного «лишнего человека», однако того «единственного», кто мог бы соответствовать ее идеалам и «развитию», и отвергая брак без любви как отжившую и пошлую общественную условность, Лиза остается одна. И в этой ситуации Чернышевский подробно, с вызывающей прямоотой и «медицинской» жесткостью диагноста исследует важнейший для него мотив, несомненно, идеологически более значимый, чем все, что связано в повести с темой «лишних людей» и провинциальных

«хлыщей». Одиночество становится для Лизы проблемой не только духовной, но и физической — она заболевает, и в дневнике открыто названа причина ее нервных срывов, пароксизмов, наконец, тяжелой каталепсии. Это физиологически не утоленная «кипящая страсть» (*Чернышевский*. XIII, 431), муки из-за фантазий, фантомов, «эротических картин» (*Чернышевский*. XIII, 452). На этом, собственно, обрывается дневник, он остается неоконченным, поскольку его автор «боится осуждения в безнравственности» (*Чернышевский*. XIII, 868). Историю девушки в последний вечер досказывает хозяйка литературной гостиной. Героиня дневника решается в итоге на свободные отношения, уже не в провинции, но в Петербурге, с одним из тех новых людей, с которыми она сближается. Ее избранник ее оставляет, но оказывается не единственным и не последним; от разных связей рождаются дети, героиня мучительно переживает осуждение и неприятие ее образа жизни окружающими, однако, с течением времени родственники с ее жизненной ситуацией смиряются.

Такова «история девушки», прочитанная вслух Благодатским—Добролюбовым и спровоцировавшая его полемику с Онуфриевым—Гончаровым. Как выстраивается Чернышевским этот диалог?

В первый вечер «нестарый господин с черною бородою», «отличающийся горячностью», замечает, что «характер рассказчицы обрисован слишком прозаическим», в нем только намечены «слабые движения чего-то похожего на поэтические и живые стремления», на что господин «в золотых очках» возражает, что героиня не желает «идти по правилам старосветской нравственности и рассудительности» (*Чернышевский*. XIII, 864). Романист Онуфриев молчит.

В конце второго вечера после завершения чтения дневника Онуфриев интересуется женщиной, написавшей повесть-исповедь: «Какова лицом, молода?» Хозяйка литературной гостиной предлагает ему, автору «романов, которые все хвалят», дописать повесть (*Чернышевский*. XIII, 865). Романист отказывается, ссылаясь на то, что повесть написана слишком «рассудительно и хозяйственно. Любовь, увлечение, поэзия — этим извиняются ошибки женщины; но тут нет ничего подобного. Болезнь и предписание медика не дают нравственного оправдания развязке, которую легко предвидеть». «Я не думала, что вы такой моралист, Онуфриев, — говорит хозяйка. — Если вы так строг, зачем же вы пишете романы? Пишите проповеди». После ухода Онуфриева она обращается к Благодатскому—Добролюбову: «Благодатский, зачем вы расхваливали его последний роман? — Я читала: скучно. Я думала: верно, не понимаю. Но вот поговорила с вами и вижу: он глуп. Вы виноват, Благодатский: зачем хвалили его...» (*Чернышевский*. XIII, 867).

В дискуссии третьего вечера основную линию спора ведут Благодатский и Онуфриев. Первый сочувствует девушке, второй возражает: «Она <...> бросилась в объятия мужчины не по увлечению, а от физического страдания и страха смерти? — <...> прекрасный мотив! он совершенно оправдывает ее». «Она не нуждается в оправдании», — замечает Благодатский. В ответ на это его оппонент провозглашает: «Я выступаю как представитель общественной нравственности». Эта реплика Онуфриева—Гончарова вызывает общее воз-

мушение, а у Благодатского — иронию по поводу «морали» у писателей «с регроградными тенденциями». «Вы причисляете меня к ним? — удивляется Онуфриев. — Но кто же хвалил мой роман?»

Далее Чернышевский предоставляет слово Добролюбову для разъяснения и изложения в ответном монологе его позиции как рецензента «Обломова» в известной статье «Что такое обломовщина?». Он, кроме того, высказывает и собственный взгляд на задачи критики в целом.

«Не в первый и не в последний раз, — произносит Благодатский, — я выставляю в произведениях нашей литературы мысли, которых не было в головах авторов. Что же делать? — обязанность критики — объяснять произведение людям, которые не понимают его, и не вина критика, если в число этих людей попадает иногда и автор. Не каждый умеет написать то, что хочет; иной, например, восхищается лежанием на боку; разберешь его панегирик заспанному ленивцу, и публика, и сам он увидит, что тунеядство и сон не особенная добродетель; довольно этого; критик не обязан угощать публику своими соображениями о лице автора и домашними дразнами о том, что *автор не понимал смысла картин, которые изображал*» (курсив мой. — А.Г.).

К последней фразе Чернышевский делает под строкой многозначительное примечание: «Само собою, это место, относящееся к „Обломову“ и статье Добролюбова о нем, должно выбросить, если автор „Обломова“ ведет себя честно» (*Чернышевский*. XIII, 872).

Этот разоблачительный выпад и явился, вероятно, главной причиной, препятствовавшей обращению к «Истории одной девушки» исследователей творчества Гончарова, хотя для полноты представлений о критической рецепции романа «Обломов» она, безусловно, важна. Как важна в этом полемическом тексте и оценка Чернышевским добролюбовской статьи.

На монолог Благодатского—Добролюбова Онуфриев—Гончаров реагирует следующим образом: «Вы напрасно свели вопрос на личные отношения. Я всегда скажу, что мой роман обязан вашему разбору частью своего успеха. Я вовсе не хотел входить в отвлеченные вопросы...» (*Чернышевский*. XIII, 872).

Дальнейший диалог критика и романиста, несмотря на протесты последнего, целиком сводится «на личные отношения». «Вы не выставите ее историю за пример для подражания?» — спрашивает Благодатского Онуфриев. «Так же мало, как и вашу жизнь, М-г Онуфриев, — отвечает тот. — Если не ошибаюсь, вы не женат». Оправдываясь, романист замечает, что «то, что прощается мужчине, не прощается девушке», в ответ на что слышит, что девушке не простили бы отношения «и в тысячу раз более скромные и благородные, чем ваши». «Кто сочиняет нравственность для других, а не для себя, тот сочиняет плохую нравственность», — заключает полемику Благодатский (*Чернышевский*. XIII, 874).

Созданная (а, возможно, в каких-то деталях и воссозданная) Чернышевским ситуация прямого диалога между Добролюбовым и Гончаровым нуждается, разумеется, в подробном исследовании и комментировании. Автор повести разделяет, несомненно, позицию Добролюбова, что-то за него до-

говаривая, и декларирует собственную позицию. Не столько литературный спор вокруг «Истории девушки», сколько аргументы в споре об общественной морали содержат ответ на вопрос, почему рецензия на «Обломова» не была Чернышевским написана.

Однако неосуществленный критический замысел в значительной степени реализовался еще до написания «Истории девушки» — в романе «Что делать?» Аллюзии на «Обломова» в нем многочисленны и достаточно определены и узнаваемы, несмотря на сложную структуру романного палимпсеста. Лишь отдельные отсылки к «Обломову» в романе Чернышевского были ранее отмечены. Так, по мнению Ю.М. Лошица, Чернышевский едва ли случайно «поселил» героиню своего романа Веру Павловну на Гороховой улице, «в многоэтажном доме <...> между Садовой и Семеновским мостом», т.е. на той же улице, где в разнообразных «позах лежания» проходит жизнь Ильи Ильича. Гороховая улица, таким образом, маркирует территорию полемики Чернышевского с Гончаровым: «...героине романа-утопии Чернышевского тоже будут сниться сны-мечты. Но обращенные не в прошлое, не к идиллической обстановке помещичьего быта, а в совершенно противоположную сторону...»¹ Л.С. Гейро, комментируя строки в похвальном слове Штольца Обломову: «...таких людей мало; они редки; это перлы в толпе!» (IV, 467), — предположила, что Чернышевский в «Что делать?» именно гимну обломовскому сердцу противопоставил характеристику «особенного человека» Рахметова: «Велика масса честных и добрых людей, а таких людей мало; <...> это цвет лучших людей, это двигатели двигателей, это соль соли земли»². Пассаж о «перлах в толпе» Добролюбов цитировал в статье «Что такое обломовщина?», заметив о нем: «Распространяться об этом пассаже мы не станем; но каждый из читателей заметит, что в нем заключена большая неправда. <...> Грязь к нему не пристанет! Да пока лежит один, так еще ничего; а как придет Тарантьев, Затертый, Иван Матвейч — брр! какая отвратительная гадость начинается возле Обломова. Его объедают, опивают, спаивают, берут с него фальшивый вексель <...>, разоряют его именем мужиков, дерут с него немилосердные деньги ни за что ни про что. Он все это терпит безмолвно и потому, разумеется, не издает ни одного фальшивого звука. Нет, нельзя так льстить живым, а мы еще живы, мы еще по-прежнему Обломовы»³.

Своеобразие «рецензирования» Чернышевским «Обломова» в тексте собственного романа заслуживает специального исследования. Кроме того, правомерен вопрос, явилась ли «История девушки» реакцией также и на «Обрыв», увидевший свет в 1869 г. и к моменту написания повести, возможно, Чернышевским прочитанный, хотя ни в основной, ни в рамочной части повести не упомянутый. И этот вопрос пока остается открытым.

¹ Лошиц Ю. Гончаров. М., 1977. С. 190.

² Чернышевский Н.Г. Что делать? Из рассказов о новых людях. С. 215. См.: Гейро Л.С. Примечания // Гончаров И.А. Обломов. Л., 1987. С. 678 (сер. «Лит. памятники»).

³ «Обломов» в критике. С. 63–64.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)

ОБЛОМОВ: КОНСТАНТЫ и переменные

*Сборник
научных статей*

Нестор-История
Санкт-Петербург
2011